

Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой...

(А. С. Пушкин).

Было это очень давно. Очень... Как-то начальник службы наблюдения и связи флота, моложавый контр-адмирал, вызвал к себе полковника Копальского, командира полка связи и наблюдения флота. Он усадил полковника в мягкое кресло возле своего длинного стола и, глянув в потолок, с ехидцей спросил: — Ну что, Костя, ты не догадываешься о причине твоего вызова?

— Никак нет, товарищ контр — адмирал, — быстро ответил полковник, лихорадочно перебирая в памяти все свои неблаговидные поступки за последнюю неделю, но там было все чисто, и он смело посмотрел в слегка нахмуренное лицо контр-адмирала. Тот небрежно махнул рукой, обозначив, чтобы вскочивший полковник сел на свое место, и глянув в потолок, продолжил:

— Да. Вот так и другие, как ты, забывают наши вековые традиции, которые четко соблюдали наши предки. Вот тогда у нас и рождались Петры Первые, Румянцевы и Суворовы, а сейчас одна мелкота пошла. Ты согласен со мной, Костя?

— Так точно!

— Стоп, полковник! Давай без формальностей, поговорим по душам...

— Я слушаю тебя, Коля, — еле выдавил из себя полковник, который никак не мог понять причину своего вызова. А начальник, усмехнувшись, продолжил: Как доложила моя Мария, твоей старшей дочери скоро восемнадцать?

— Да, Коля. Через неделю отмечать будем... — засуетился Копальский, все еще не понимая, к чему же клонит его друг-начальник.

— Отмечать, это мы все умеем. А обеспечить ребенку гарантию на безбедное существование до замужества, редко кто из нас задумывается.

— Ты имеешь ввиду мою Люську? — заерзal в кресле Копальский.

— А то кого же? Не тебя ведь. Была бы у нас лишняя генеральская должность, то давно бы за тобой закреpили, а тут, видимо, мне поработать придется...

— И что же нам делать?

— А ничего. Обеспечить явку всех членов твоей семьи в наши палаты на торжественный вечер восемнадцатилетия твоей старшей дочери. Все остальное за мной. Помнишь, как это было в старое время? Крестьянин вел все свое семейство к господину, тот одаривал их подарками, а виновницу торжества включал в состав дворовых и лично дарил в постели первую ночь с мужчиной...

— Ты это серьезно, Николай? — наконец-то понял всю глубину проблемы полковник, покраснев и опустив глаза в пол.

— Конечно. Раньше у ребенка был крестный отец, а сегодня мы вводим звание опекуна ребенка, проверяя заодно и его невинность. Подумай только, что скажет ей парень в первую брачную ночь, когда ляжет с ней на брачное ложе и вдруг узнает, что лежит рядом с женщиной?

— Но он в этом случае, может задать любой вопрос?

— Нет. Тот, кто ей предназначен, не задаст. Тут опекун постарается найти молодого,

красивого офицера с большой перспективой карьерного роста под гарантию молчания о не девственности невесты. У меня уже есть на примете такой мальчик...

— Да?! Ну и дела! А Люська согласится на этот вариант? — не отступал Копальский.

— Вот тут-то и должны поработать папа с мамой. Надо ее уговорить!...

— Уговоришь такую егозу. Вспыльчивая стерва. Что угодно в ответ вывалит... — угрюмо пробурчал Копальский

— Вот. Именно этого допустить нельзя...

— А что делать?

— Провести с ней разъяснительную работу. Мол, все же знают, почему папа перевел на удаленный остров сигнальщика Васю Железного. Он же был первым мужчиной твоей вертихвостки?... — не отставал адмирал.

«Эх, мил человек! Знал бы ты, кто первым мужчиной у Люськи мог бы быть, когда ей едва семнадцать стукнуло»... — подумал Копальский и отрешенно махнул рукой...

— Ты чем-то недоволен, Костя? — прищурился адмирал.

— Нет. Почему же? Гарантия подходящая. Пора ее замуж выдать, а не то сбежит еще, дура, с каким — нибудь из подобных дураков, тогда и вся перспектива рухнет, — ответил Костя, безнадежно махнув рукой...

— Ну и ладушки, Приятно иметь дело с умным человеком, — встал адмирал и крепко пожал руку полковника...

... Прокрутив Люську в последнем круге вальса, контр-адмирал шепнул ей на ушко:

— Устала?...

— Немного, дядя Коля...

— Ну, какой я тебе дядя? Посмотри в зеркало, — подвел он ее к огромному трюмо, сверкая золотом своих погон, — тут мы явно смотримся, как жених с невестой. Ты — прямо лебедь белая, которую Иван-царевич только что спас от дикого коршуна, ну а я...

— Вы очень смахиваете на Ивана-царевича, готового эту белую лебедь повести под венец, — усмехнулась Люська и незаметно ущипнула его за локоть той руки, из которой она вынимала свою уставшую руку...

— Люсенька, если ты все будешь делать так, как я советую, то будет у тебя и блестящий молодой муж с хорошей перспективой и надежный друг, связанный с тобой любовными чувствами...

— Дядя Коля?..

— Стоп! С этой минуты просто Николай Иванович... Поняла?

Люська согласно кивнула, а про себя подумала: «Мне вообще-то наплевать на то, как тебя называть, старый козел, лишь бы помочь от тебя была и надежная защита», — и тут же вспомнила, что почти точно повторила мамину мысль, которую та высказала, когда они собирались на этот вечер. Но была у нее одна тайная проблема, о которой в ее семье никто не знал, даже сверх любопытная младшая сестра Галка, которой недавно исполнилось семнадцать. Чтобы держать свое стройное тело в постоянной форме сестрички бегали по утрам в спортивных майках, шортиках и кетах, как вдруг вчера прямо перед ними, словно джин из-под земли, вдруг вырос Вася Железный, который помнил Люськино слово отдаться ему в первый же день восемнадцатилетия. Люська сначала растерялась, а потом набросилась на него с кулаками, поняв, зачем он сбежал в самоволку со своего «Острова Свободы», как тот называл его.

— Саша! Я никак не могу сегодня. Ты прости меня, но послезавтра, вечером, я вся твоя до утра, — всхлипывала Люська, когда он снимал с нее шортики и проводил ладошкой по лобку. Но парня было невозможно уговорить, и Люська поняла это, когда почувствовала, как в ее тело медленно, но настойчиво влезает что-то большое, сильное, занимая весь объем ее интересного места между ног.

— Ой! — ойкнула она, когда его «боец» уперся в стенку влагалища.

— Что? Больно? — удивился Сашка.

— Нет. Приятно. Вот возьми и вытри там, — протянула она ему маленький платочек, который выглядывал из кармана шортиков.

— Неужто я это сломал? — лукаво ухмылялся Сашка, разглядывая кровавые пятна на платке...

— Нет! Это дядя Коля постарался, — съязвила она, подмахивая ему...

— Какой еще дядя Коля? — насторожился он.

— Быстро ты забыл нашего адмирала. Завтра я должна быть в его постели. Что я ему скажу на это? — поднесла она платочек к своим глазам, а потом ткнула им в нахальный нос бедового парня...

— А что, в таком случае, все умные бабы делают? Они изображаютдискую страсть со слабым стоном в момент разрыва твоего «предохранителя», а следы на простыне оставляют помадой...

— Ух ты! Ну и фантазер!. А, впрочем, мы с Галкой что-нибудь придумаем, — ответила Люська, погладив по руке плачущую сестру. Та ревела не от того, что видела всю сцену изнасилования старшей сестры, а от злости, что на месте Люськи должна быть она, более молодая, красивая, умная, а не эта корова, у которой огромные груди напоминали коровье вымя, наполненное молоком.

Этот день, накануне адмиральского бала, Люська провела в тяжком раздумье, называя все мужское племя — грязными козлами, которые любят только себя, и мешают правильно жить молодым, красивым, умным и подающим надежды на большое личное счастье в жизни. Вот только если бы эти двурогие не становились на их пути в неудобное для милых женщин время.

Когда Люська, обласканная Галкой, наконец-то успокоилась в середине дня, то она поняла, что из-за бдительного ока адмирала можно залететь намного дальше, чем потерянная девственность. Главное, подпоить его и усыпить, — мечтала она, перешептываясь с Галкой. Но у той был уже совсем другой план, и как ей показалось, более надежный: — Не суетись, сестричка. Я всегда выручала тебя, выручу и сейчас, — таинственно шептала она, нежно целую сестру прямо в подрагивающие губы. Да. Обстановка складывалась очень удачно в пользу Галки, и та была уверена, что сегодняшней ночью именно она станет любовницей адмирала. Люська скомпроментирована, а она, Галка, лежа в кровати с этим строгим, но любвиобильным мужчиной, подскажет ему, что судьба играет ей на пользу. Люська, хотя и хитрая лиса, но ей теперь не отмыться, жена адмирала с детьми уехала к матери в далекий Омск, и ее кавалер фактически располагал своим внеслужебным временем в пользу своих сексуальных потех. Но не зря говорят, что человек предполагает, а там, наверху, есть кто-то, кто вершит человеческие судьбы и располагает так, как считает нужным. Но у Люськи был твердый характер сражаться до последнего патрона, как любил говорить ее отец. Весь день она посвятила своему бренному телу, купая его в шампунях и натирая индийскими мазями,

взятыми у мамы. К вечеру она была так хороша, как не была никогда.

— Костя, Костя! — кричала Мария Павловна, — иди, посмотри, какова наша красавица дочь!

— кричала полковница на весь дом

Когда Люська, во всем белом, словно невеста на свадьбе, поплыла по залу, то всем казалось, что это не женщина «плывет» по паркету зала, а сама царевна-Лебедь из знаменитой Пушкинской сказки.

Весь вечер адмирал танцевал только с ней. Он был поражен красотой молодой женщины, думая, что имеет дело с красавицей девушкой. Видимо сейчас те гены, которые влил в ее тело полулютик, полубеларус Копальский заговорили в теле женщины в полный голос, превращая ее в необыкновенную красавицу. Фоторгап дома офицеров успел щелкнуть несколько раз своей «лейкой», навсегда запечатлев красоту этой женщины.

«Развод! И только развод и брак с ней спасет меня от мучительной страсти в любви к ней», — думал адмирал, медленно кружка ее в необыкновенном вальсе Штрауса».

Первой очнулась от этого чудесного сна сестра Людмилы Галина. Ей хотелось крикнуть на весь зал, что это фальшивое чудо красоты, что ее сестра не волшебная Золушка на балу, а попросту элементарная блядь, которую прошлой ночью трахал на навозной куче этот мужлан и идиот Вася Железный, которому было все равно кого трахать, была бы только дырка. Что истинная красавица не Люська, а она, Галина, самая достойная из кандидаток стать четвертой женой этого высокого, белокурого красавца-адмирала, по которому сохли молодые девушки, а офицерские жены составляли список очередности, чтобы переспать с ним.

Не долго думая, к нему вдруг, как бабочка, на огонек, подлетела Галина Копальская и, повиснув на его рукаве, начала что-то страстно шептать ему на ухо. Адмирал сначала согласно кивал, но когда почувствовал ее ладонь рядом с набухшим членом в брюках, вдруг слегка отстранил ее, сняв ее руку со своего погона на плече.

— Галина Константиновна! Я очарован вашей красотой и молодостью, но сделать из вас свою любовницу, к сожалению, просто не могу. Ваше время придет через год. Вот тогда и приходите. У нас будет очень многое того, о чем можно будет поговорить. Тем более, что ваши телесные данные и умственные способности намного выше чем у вашей старшей сестры...

Он подошел к всхлипывающей девушке, крепко прижал к своему мускулистому телу так, что та почувствовала, что-то упругое и могучее, выпирающее из его тела, готовое порвать ее одеяние ниже пояса...

От неожиданности и жалости к рухнувшим надеждам, Галина просто, по детски разревелась, еще не веря в обманчивость судьбы.

И все же Галина проникла в адмиральскую спальню, где адмирал тискал в объятиях свою новую жертву. Тут они оба не жалели слов восхищения друг другом. Люся рассыпалась в комплиментах, стараясь приукрасить сладость своего тела, а младшая сестра поливала ее грязью.

... Слыша речь мужа, его красавица жена чуть не упала в обморок, но тут же овладев собой, резко отстранила в сторону адъютанта Петю, шагнула к двери спальни и с силой распахнула ее.

— Женя?! Какими судьбами? — раздался из полумрака голос мужа.

— Да я! Аэропорт закрыли из-за циклона на трое суток, и вот я здесь...

— Тогда иди ко мне моя милая, Как я люблю тебя! Ты не то, что эти молодые шавки, не

знающие, что нужно мужику в минуты сомнения и тяжести дум, — ответил он, подхватил жену на руки и понес в ее спальню, где дети уже устроили борьбу на ковре у постели матери. « И зачем они все мне? Моя жена — чудо природы, Во всем гарнизоне не сыщешь женщину, которая, как она, так мастерски делает мужикам минет», вспомнив, как это сказала когда-то жена полковника Копальского молодой третьей его жене, попросившей ознакомить ее с этим чудо — секретом. Женя быстро намотала себе на ус эту информацию, на всякий случай.

Но адмирал был человеком слова. И когда с Люсиной «свадьбы» вдруг вызвали в штаб флота молодого капитан-лейтенанта Петрухина, по одному очень серьезному делу, то наш красавец-адмирал просто усадил Люську в свою «Эмку» и умчал на свою дачу, где ревился с ней до утра, пока заботливая жена не прервала этот интересный и сладкий процесс. Но многие в гарнизоне вскоре узнали, что молодая Петрухина чудо природы и новый настоящий секс символ гарнизона... Знала об этом и Женя, быстро работающая тазом во времяочных забав так, что едва не доводила его до исступления и обморока. Он с удовольствием принимал такую энергичную эротическую ласку, понимая, что кроме жены никто из женщин гарнизона не способен на такие бурные эмоции, когда он, словно пожарник, заливал спермой ее «сокровище».

Э. Зайцев

Было это очень давно. Очень... Как-то начальник службы наблюдения и связи флота, моложавый контр-адмирал, вызвал к себе полковника Копальского, командира полка связи и наблюдения флота. Он усадил полковника в мягкое кресло возле своего длинного стола и, глянув в потолок, с ехидцей спросил:

— Ну что, Костя, ты не догадываешься о причине твоего вызова?

— Никак нет, товарищ контр — адмирал, — быстро ответил полковник, лихорадочно перебирая в памяти все свои неблаговидные поступки за последнюю неделю, но там было все чисто, и он смело посмотрел в слегка нахмуренное лицо контр-адмирала. Тот небрежно махнул рукой, обозначив, чтобы вскочивший полковник сел на свое место, и глянув в потолок, продолжил:

— Да. Вот так и другие, как ты, забывают наши вековые традиции, которые четко соблюдали наши предки. Вот тогда у нас и рождались Петры Первые, Румянцевы и Суворовы, а сейчас одна мелкота пошла. Ты согласен со мной, Костя?

— Так точно!

— Стоп, полковник! Давай без формальностей, поговорим по душам...

— Я слушаю тебя, Коля, — еле выдавил из себя полковник, который никак не мог понять причину своего вызова. А начальник, усмехнувшись, продолжил: Как доложила моя Мария, твоей старшей дочери скоро восемнадцать?

— Да, Коля. Через неделю отмечать будем... — засуетился Копальский, все еще не понимая, к чему же клонит его друг-начальник.

— Отмечать, это мы все умеем. А обеспечить ребенку гарантию на безбедное существование до замужества, редко кто из нас задумывается.

— Ты имеешь ввиду мою Люську? — заерзal в кресле Копальский.

— А то кого же? Не тебя ведь. Была бы у нас лишняя генеральская должность, то давно бы за тобой закрепили, а тут, видимо, мне поработать придется...

— И что же нам делать?

— А ничего. Обеспечить явку всех членов твоей семьи в наши палаты на торжественный

вечер восемнадцатилетия твоей старшей дочери. Все остальное за мной. Помнишь, как это было в старое время? Крестьянин вел все свое семейство к господину, тот одаривал их подарками, а виновницу торжества включал в состав дворовых и лично дарил в постели первую ночь с мужчиной...

— Ты это серьезно, Николай? — наконец-то понял всю глубину проблемы полковник, покраснев и опустив глаза в пол.

— Конечно. Раньше у ребенка был крестный отец, а сегодня мы вводим звание опекуна ребенка, проверяя заодно и его невинность. Подумай только, что скажет ей парень в первую брачную ночь, когда ляжет с ней на брачное ложе и вдруг узнает, что лежит рядом с женщиной?

— Но он в этом случае, может задать любой вопрос?

— Нет. Тот, кто ей предназначен, не задаст. Тут опекун постарается найти молодого, красивого офицера с большой перспективой карьерного роста под гарантию молчания о не девственности невесты. У меня уже есть на примете такой мальчик...

— Да?! Ну и дела! А Люська согласится на этот вариант? — не отступал Копальский.

— Вот тут-то и должны поработать папа с мамой. Надо ее уговорить!...

— Уговоришь такую егозу. Вспыльчивая стерва. Что угодно в ответ вывалит... — угрюмо пробурчал Копальский

— Вот. Именно этого допустить нельзя...

— А что делать?

— Провести с ней разъяснительную работу. Мол, все же знают, почему папа перевел на удаленный остров сигнальщика Васю Железного. Он же был первым мужчиной твоей вертихвостки?... — не отставал адмирал.

«Эх, мил человек! Знал бы ты, кто первым мужчиной у Люськи мог бы быть, когда ей едва семнадцать стукнуло»... — подумал Копальский и отрешенно махнул рукой...

— Ты чем-то недоволен, Костя? — прищурился адмирал.

— Нет. Почему же? Гарантия подходящая. Пора ее замуж выдать, а не то сбежит еще, дура, с каким — нибудь из подобных дураков, тогда и вся перспектива рухнет, — ответил Костя, безнадежно махнув рукой...

— Ну и ладушки, Приятно иметь дело с умным человеком, — встал адмирал и крепко пожал руку полковника...

... Прокрутив Люську в последнем круге вальса, контр-адмирал шепнул ей на ушко:

— Устала?...

— Немного, дядя Коля...

— Ну, какой я тебе дядя? Посмотри в зеркало, — подвел он ее к огромному трюмо, сверкая золотом своих погон, — тут мы явно смотримся, как жених с невестой. Ты — прямо лебедь белая, которую Иван-царевич только что спас от дикого коршуна, ну а я...

— Вы очень смахиваете на Ивана-царевича, готового эту белую лебедь повести под венец, — усмехнулась Люська и незаметно ущипнула его за локоть той руки, из которой она вынимала свою уставшую руку...

— Люсенка, если ты все будешь делать так, как я советую, то будет у тебя и блестящий молодой муж с хорошей перспективой и надежный друг, связанный с тобой любовными чувствами...

— Дядя Коля?..

— Стоп! С этой минуты просто Николай Иванович... Поняла?

Люська согласно кивнула, а про себя подумала: «Мне вообще-то наплевать на то, как тебя называть, старый козел, лишь бы помочь от тебя была и надежная защита», — и тут же вспомнила, что почти точно повторила мамину мысль, которую та высказала, когда они собирались на этот вечер. Но была у нее одна тайная проблема, о которой в ее семье никто не знал, даже сверх любопытная младшая сестра Галка, которой недавно исполнилось семнадцать. Чтобы держать свое стройное тело в постоянной форме сестрички бегали по утрам в спортивных майках, шортиках и кетах, как вдруг вчера прямо перед ними, словно джин из-под земли, вдруг вырос Вася Железный, который помнил Люськино слово отдать ему в первый же день восемнадцатилетия. Люська сначала растерялась, а потом набросилась на него с кулаками, поняв, зачем он сбежал в самоволку со своего «Острова Свободы», как тот называл его.

— Саша! Я никак не могу сегодня. Ты прости меня, но послезавтра, вечером, я вся твоя до утра, — всхлипывала Люська, когда он снимал с нее шортики и проводил ладошкой по лобку. Но парня было невозможно уговорить, и Люська поняла это, когда почувствовала, как в ее тело медленно, но настойчиво влезает что-то большое, сильное, занимая весь объем ее интересного места между ног.

— Ой! — ойкнула она, когда его «боец» уперся в стенку влагалища.

— Что? Больно? — удивился Сашка.

— Нет. Приятно. Вот возьми и вытри там, — протянула она ему маленький платочек, который выглядывал из кармана шортиков.

— Неужто я это сломал? — лукаво ухмылялся Сашка, разглядывая кровавые пятна на платке...

— Нет! Это дядя Коля постарался, — съязвила она, подмахивая ему...

— Какой еще дядя Коля? — насторожился он.

— Быстро ты забыл нашего адмирала. Завтра я должна быть в его постели. Что я ему скажу на это? — поднесла она платочек к своим глазам, а потом ткнула им в нахальный нос бедового парня...

— А что, в таком случае, все умные бабы делают? Они изображаютдискую страсть со слабым стоном в момент разрыва твоего «предохранителя», а следы на простыне оставляют помадой...

— Ух ты! Ну и фантазер!. А, впрочем, мы с Галкой что-нибудь придумаем, — ответила Люська, погладив по руке плачущую сестру. Та ревела не от того, что видела всю сцену изнасилования старшей сестры, а от злости, что на месте Люськи должна быть она, более молодая, красивая, умная, а не эта корова, у которой огромные груди напоминали коровье вымя, наполненное молоком.

Этот день, накануне адмиральского бала, Люська провела в тяжком раздумье, называя все мужское племя — грязными козлами, которые любят только себя, и мешают правильно жить молодым, красивым, умным и подающим надежды на большое личное счастье в жизни. Вот только если бы эти двуорогие не становились на их пути в неудобное для милых женщин время.

Когда Люська, обласканная Галкой, наконец-то успокоилась в середине дня, то она поняла, что из-за бдительного ока адмирала можно залететь намного дальше, чем потерянная девственность. Главное, подпоить его и усыпить, — мечтала она, перешептываясь с Галкой.

Но у той был уже совсем другой план, и как ей показалось, более надежный:

— Не суетись, сестричка. Я всегда выручала тебя, выручу и сейчас, — таинственно шептала она, нежно целую сестру прямо в подрагивающие губы. Да. Обстановка складывалась очень удачно в пользу Галки, и та была уверена, что сегодняшней ночью именно она станет любовницей адмирала. Люська скомпроментирована, а она, Галка, лежа в кровати с этим строгим, но любвиобильным мужчиной, подскажет ему, что судьба играет ей на пользу. Люська, хотя и хитрая лиса, но ей теперь не отмыться, жена адмирала с детьми уехала к матери в далекий Омск, и ее кавалер фактически располагал своим внеслужебным временем в пользу своих сексуальных потех. Но не зря говорят, что человек предполагает, а там, наверху, есть кто-то, кто вершит человеческие судьбы и располагает так, как считает нужным. Но у Люськи был твердый характер сражаться до последнего патрона, как любил говорить ее отец. Весь день она посвятила своему бренному телу, купая его в шампунях и натирая индийскими мазями, взятыми у мамы. К вечеру она была так хороша, как не была никогда.

— Костя, Костя! — кричала Мария Павловна, — иди, посмотри, какова наша красавица дочь!
— кричала полковница на весь дом

Когда Люська, во всем белом, словно невеста на свадьбе, поплыла по залу, то всем казалось, что это не женщина «плывет» по паркету зала, а сама царевна-Лебедь из знаменитой Пушкинской сказки.

Весь вечер адмирал танцевал только с ней. Он был поражен красотой молодой женщины, думая, что имеет дело с красавицей девушкой. Видимо сейчас те гены, которые влил в ее тело полуполяк, полубеларус Копальский заговорили в теле женщины в полный голос, превращая ее в необыкновенную красавицу. Фоторгф дома офицеров успел щелкнуть несколько раз своей «лейкой», навсегда запечатлев красоту этой женщины.

«Развод! И только развод и брак с ней спасет меня от мучительной страсти в любви к ней», — думал адмирал, медленно кружка ее в необыкновенном вальсе Штрауса».

Первой очнулась от этого чудесного сна сестра Людмилы Галина. Ей хотелось крикнуть на весь зал, что это фальшивое чудо красоты, что ее сестра не волшебная Золушка на балу, а попросту элементарная блядь, которую прошлой ночью трахал на навозной куче этот мужлан и идиот Вася Железный, которому было все равно кого трахать, была бы только дырка. Что истинная красавица не Люська, а она, Галина, самая достойная из кандидаток стать четвертой женой этого высокого, белокурого красавца-адмирала, по которому сохли молодые девушки, а офицерские жены составляли список очередности, чтобы переспать с ним.

Не долго думая, к нему вдруг, как бабочка, на огонек, подлетела Галина Копальская и, повиснув на его рукаве, начала что-то страстно шептать ему на ухо. Адмирал сначала согласно кивал, но когда почувствовал ее ладонь рядом с набухшим членом в брюках, вдруг слегка отстранил ее, сняв ее руку со своего погона на плече.

— Галина Константиновна! Я очарован вашей красотой и молодостью, но сделать из вас свою любовницу, к сожалению, просто не могу. Ваше время придет через год. Вот тогда и приходите. У нас будет очень многое того, о чем можно будет поговорить. Тем более, что ваши телесные данные и умственные способности намного выше чем у вашей старшей сестры...

Он подошел к всхлипывающей девушке, крепко прижал к своему мускулистому телу так, что та почувствовала, что-то упругое и могучее, выпирающее из его тела, готовое порвать ее одеяние ниже пояса...

От неожиданности и жалости к рухнувшим надеждам, Галина просто, по детски разревелась, еще не веря в обманчивость судьбы.

И все же Галина проникла в адмиральскую спальню, где адмирал тискал в объятиях свою новую жертву. Тут они оба не жалели слов восхищения друг другом. Люся рассыпалась в комплиментах, стараясь приукрасить сладость своего тела, а младшая сестра поливала ее грязью.

... Слышиа речь мужа, его красавица жена чуть не упала в обморок, но тут же овладев собой, резко отстранила в сторону адъютанта Петю, шагнула к двери спальни и с силой распахнула ее.

— Женя?! Какими судьбами? — раздался из полумрака голос мужа.

— Да я! Аэропорт закрыли из-за циклона на трое суток, и вот я здесь...

— Тогда иди ко мне моя милая, Как я люблю тебя! Ты не то, что эти молодые шавки, не знающие, что нужно мужику в минуты сомнения и тяжести дум, — ответил он, подхватил жену на руки и понес в ее спальню, где дети уже устроили борьбу на ковре у постели матери.

« И зачем они все мне? Моя жена — чудо природы, Во всем гарнизоне не сыщешь женщину, которая, как она, так мастерски делает мужикам минет», вспомнив, как это сказала когда-то жена полковника Копальского молодой третьей его жене, попросившей ознакомить ее с этим чудо — секретом. Женя быстро намотала себе на ус эту информацию, на всякий случай.

Но адмирал был человеком слова. И когда с Люсиной «свадьбы» вдруг вызвали в штаб флота молодого капитан-лейтенанта Петрухина, по одному очень серьезному делу, то наш красавец-адмирал просто усадил Люську в свою «Эмку» и умчал на свою дачу, где резвился с ней до утра, пока заботливая жена не прервала этот интересный и сладкий процесс. Но многие в гарнизоне вскоре узнали, что молодая Петрухина чудо природы и новый настоящий секс символ гарнизона... Знала об этом и Женя, быстро работающая тазом во времяочных забав так, что едва не доводила его до исступления и обморока. Он с удовольствием принимал такую энергичную эротическую ласку, понимая, что кроме жены никто из женщин гарнизона не способен на такие бурные эмоции, когда он, словно пожарник, заливал спермой ее «сокровище».

Э. Зайцев.